

*Посвящается
Мэри-Энн и Виктории*

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

В тысяча пятьсот шестидесятом году пятнадцатилетняя Лукреция, дочь Козимо I Медичи, покинула Флоренцию и переехала к супругу Альфонсо II д'Эсте, герцогу Феррары.

Не прошло и года, как девушка умерла.

Официальной причиной смерти назвали «гнилую горячку», однако слухи утверждали иное: Лукрецию убил собственный муж.

Вот перед вами, на стене, портрет
Моей последней герцогини. Свет
Не видывал такого мастерства!
Глядит, словно живая, с полотна...

*Роберт Браунинг.
Моя последняя герцогиня*

Женщины <...>, скованные
хотеньем, причудами, веленьями
отцов, матерей, братьев, мужей...
почти все время проводят в четы-
рех стенах, томятся от безделья,
и в голову им лезут разные мысли...

*Джованни Боккаччо.
Декамерон¹*

¹ Перевод Н. М. Любимова (Здесь и далее прим. перев.).

Безлюдная глушь

Fortezza¹, неподалеку от Бондено, 1561 год

Лукреция садится за длинный, влажно поблескивающий стол с еловым венком посередине, уставленный блюдами и перевернутыми кубками. Муж сидит не напротив, как обычно, а рядом — если захочется, можно положить голову ему на плечо; он разворачивает салфетку, поправляет нож и пододвигает свечу, и внезапно Лукреция видит мир будто через цветное стеклышко — или, напротив, в истинных красках. Приходит озарение: муж задумал ее убить!

Ей шестнадцать, со дня свадьбы не прошло и года. Почти весь день супруги провели в дороге: выехали из Феррары с восходом солнца, чтобы успеть засветло, и отправились на северо-запад провинции, в охотничье поместье — по крайней мере, так сказал муж.

«Но это вовсе не охотничье поместье!» — удивилась про себя Лукреция, добравшись до места. Над нею грозно возвышалось здание из темного камня. С одной стороны к нему примыкал густой лес, с другой — извилистая река По. «Зачем ты меня сюда привез?» — хотела спросить Лукреция, однако молча последовала за мужем через влажные ветви деревьев по изогнутому аркой мосту и въехала во двор причудливого здания в форме звезды. Оно сразу показалось ей до странного пустым.

¹ Крепость (ит.).

Лошадей увели, Лукреция сняла промокшую накидку и шляпку, а муж наблюдал за ней, став спиной к очагу. Теперь супруг жестами подзывает слуг из полумрака коридора и велит накрыть на стол, порезать хлеб, налить вина в кубки. Ей тотчас вспоминается хриплый шепот золотки: «Во всем обвинят тебя».

Лукреция сжимает край тарелки. Несомненно, муж хочет ей смерти: его намерение ощутимо, словно на ручку ее кресла присела темнокрылая хищная птица.

Вот зачем они приехали в эту безлюдную глушь! Муж увез ее в каменную крепость, чтобы убить.

От потрясения Лукреция на миг покидает собственное тело и парит под сводчатым потолком, наблюдает за собой и мужем: они сидят за столом, едят бульон и подсоленный хлеб. Альфонсо наклоняется к ней и что-то рассказывает, положив руку на ее обнаженное запястье, а она кивает и говорит о живописной дороге к охотничьему поместью, будто между ними все по-прежнему, словно это обычный ужин, после которого они отправятся в постель.

Только это неправда. Зависнув под сырым каменным потолком, она вспоминает скучную дорогу: долгие часы по обледелым полям, хмурое небо, уныло повисшее над голыми деревьями. Муж пустил коня рысью, и Лукреция мило за милей тряслась в седле; спина отзывалась болью, а мокрые чулки до крови натерли ноги. Подбитые беличьим мехом перчатки не спасали от холода, а лошадиная грива вскоре покрылась изморозью. Муж ехал первым, два стражника скакали по сторонам. Когда город остался позади, Лукреции захотелось пришпорить лошадь, ударить пятками по бокам, полететь над землей и камнями... увы, нельзя: место Лукреции за мужем или сбоку, если он позовет, но никогда — перед ним. И они продолжили путь рысью.

Теперь, глядя в лицо своему возможному убийце, она жалеет, что не перешла на галоп. Надо было умчаться от мужа, заливаясь смехом, и пусть бы волосы и полы плаща

развевались у нее за спиной, а из-под копыт лошади летела грязь! Надо было ускакать далеко-далеко, к холмам, и навсегда затеряться в ущельях и горных вершинах.

Облокотившись на стол, муж вспоминает, как отец привозил его сюда, в «охотничье поместье» (он упорно называет это место так) и заставлял пускать стрелу за стрелой, пока из пальцев не начинала идти кровь. Лукреция кивает и сочувственно бормочет в нужных местах, но хочет только одного — взглянуть ему в глаза и сказать: «Я знаю, что у тебя на уме».

Он удивится? Растеряется? Наверное, считает ее невинной, простодушной женушкой, еще ребенком? Она видит его насквозь. Он расставил ей хитрую, продуманную ловушку: отрезал от окружения из Феррары, не взял с собой никого из *castello*¹. Только он, она, двое стражников у входа и горстка слуг.

Любопытно, что ее ждет? Блеск ножа в темном коридоре? Руки на горле? Якобы случайное падение с лошади? Несомненно, все эти способы ему подходят. Только пусть сочинит версию поубедительнее, чтобы папа Лукреции поверил, иначе убийство не сойдет Альфонсо с рук!

Поставив кубок на стол, она оглядывает мужа, герцога Феррары, и гадает: что же дальше?

ПЕЧАЛЬНЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ЗАЧАТИЯ ЛУКРЕЦИИ

Палаццо, Флоренция, 1544 год

В будущем Элеонора не раз горько пожалеет о том, как зачала пятого ребенка.

Вообразите ее осенью тысяча пятьсот сорок четвертого в зале картографии флорентийского палаццо. Элеонора подносит карту к глазам (герцогиня немного близорука,

¹ Замок (ит.).

но этого не признает). Придворные дамы стоят поодаль, у окон: хотя уже сентябрь, город до сих пор утопает в зное. Колодец во внутреннем дворе не дает прохлады, от его камней идет жар. На низком небе — ни облачка; дуновение ветерка не колышет шелковых занавесок, флаги на крепостной стене уныло никнут. Придворные дамы обмахиваются веерами, отирают лбы платочками и беззвучно вздыхают: сколько им еще здесь стоять? Сколько еще Элеонора будет разглядывать карту? Что такого интересного в куске пергамента?

На бумаге серебряным карандашом обозначены вершины холмов, выющиеся угрем реки, неровные границы побережья, уходящие на север. Взгляд Элеоноры скользит по перекрестку дорог, соединяющих Сиенну, Ливорно и Пизу.

Элеонора прекрасно знает цену своим редким достоинствам: не только телу, способному произвести на свет множество наследников, но и красивому лицу — изящному лбу цвета слоновой кости, широко расставленным темно-карым глазам, губам, одинаково прелестным и в улыбке, и в недовольной гримасе. Кроме того, природа наградила ее острым, живым умом. В отличие от других женщин, значки на карте она мысленно превращает в плодородные поля, обширные виноградники, богатый урожай, поместья и налоги с арендаторов.

Она откладывает карту, но придворные дамы напрасно шелестят юбками, мечтая поскорее убраться из душной комнаты: Элеонора тут же поднимает вторую и рассматривает участок суши неподалеку от берега. На этой части карты нет никаких отметок, только местами небрежно обозначены водоемы.

Чего Элеонора терпеть не может, так это праздности. Под ее неусыпным руководством ни одна комната, коридор и вестибюль в палаццо не пустует без дела: их отремонтировали, а чистые гипсовые стены изящно украсили. Детям, служанкам и придворным дамам не выпадает ни

минутки безделья — они с утра до вечера следуют распорядку герцогини. Сама она тоже отдыхает лишь во сне, а в остальное время занята: ведет корреспонденцию, изучает языки, составляет планы и списки, следит за образованием и воспитанием детей.

Сколько всего можно сделать с болотистыми землями!.. В голову Элеоноры одна за другой приходят идеи: осушить местность. Нет, оросить! Засеять. Построить город. Выкопать систему озер и разводить рыбу. Возвести акведук или...

Раздаются шаги — уверенные, решительные. Она не поворачивается на звук, но улыбается про себя, подняв карту к свету и любуясь холмами и полями.

На ее талию опускается ладонь, еще одна — на плечо. Кожу щекочет колючая борода, к шее прижимаются влажные губы.

— Чем занята, пчелка моя? — шепчет супруг на ушко Элеоноре.

— Думаю над этим участком, — отвечает она, не опуская карты. — У моря, видишь?

— М-м-м, — бормочет он, приобнимает ее за талию и прижимает к углу стола, уткнувшись носом в ее прическу.

— Его бы осушить, и можно как-нибудь использовать: либо возделывать землю, либо начать там строительство, и... — Муж приподнимает ее юбки, и она умолкает. Его рука скользит по колену, бедру, а потом выше, гораздо выше. — Козимо, — шепотом журит Элеонора, но напрасно: придворные дамы уже покидают комнату, шурша юбками, а за ними следуют советники герцога, нетерпеливо толкаясь у выхода.

Наконец, дверь закрывается.

— Там плохой воздух... — продолжает Элеонора, все еще держа карту изящными фарфоровыми пальцами, словно ничего не происходит, словно муж не возится с ее нижними юбками, — ...зловонный и нездоровый. Если соберемся...

Козимо поворачивает ее лицом к себе и забирает карту.

— Конечно, дорогая. — Он мягко подталкивает Элеонору обратно к столу. — Как захочешь, так и будет.

— Ну же, Козимо, только взгляни!

— Позже. — Он бросает карту на стол и усаживает на нее жену, приподняв ворох юбок. — Позже.

Она только вздыхает, прикрыв кошачьи глаза: мужа не удалось отвлечь. И все же она берет его за руку.

— Обещаешь? — настаивает Элеонора. — Обещай! Ты позволишь мне распоряжаться этой землей?

Козимо шутливо борется с ней, пытаясь вытащить ладонь, — разумеется, это только игра. Одна его рука шириной с две ее! Он мог бы вмиг сорвать с Элеоноры платье, даже не спрашивая, будь он совершенно другим мужчиной.

— Обещаю, — говорит он, и она отпускает его руку.

«Я никогда не отказывала ему в этом, — думает Элеонора, когда муж приступает к делу, — и не откажу». В браке ей предоставлено куда больше свободы, чем иным женщинам. Неограниченный доступ к ее телу — малая плата за власть и многочисленные послабления.

У Элеоноры уже четверо детей, и она хочет еще — столько, сколько заронит в нее муж. Для благополучия провинции необходима большая герцогская семья. До женитьбы Козимо на Элеоноре династия почти прервалась и канула в Лету, а теперь? Власть Козимо и влияние Флоренции незыблемы. Благодаря Элеоноре в детской уже спали двое мальчиков-наследников, будущих последователей отца, и две девочки, которых выдадут замуж за представителей других знатных семей.

Она цепляется за эту мысль: ей снова хочется зачать и к тому же забыть о некрещеном младенце, которого потеряла в прошлом году. Элеонора никогда не упоминает случившееся, даже духовник не знает о вечном призраке ее кошмаров — жемчужно-сером личике, скрюченных пальчиках. Она мечтает его вернуть, тоска не утихает,

и единственное лекарство от этой загадочной меланхолии — поскорее родить другого ребенка. Она снова забеременеет, и все будет хорошо. У нее крепкое, здоровое тело — не зря тосканцы прозвали ее «*La Fecundissima*»¹; роды для нее отнюдь не адская пытка, как для других женщин. Заботы о детях она поручила своей няньке Софии, которую привезла из отцовского дома. Элеонора молода, красива, муж верен ей и крепко любит, исполняет все ее прихоти. Она заселит детскую наследниками, будет рожать ребенка за ребенком. Почему нет? Ни один младенец больше не ускользнет от нее раньше срока — она не допустит!

Муж трудится в жарком *Sala delle Carte Geografiche*², советники и придворные дамы тоскливо вздыхают, прикрывают зевки, обмениваются усталыми взглядами, а мысли Элеоноры перескакивают с умершего младенца на болотные топи, заросли камышей, россыпь желтых ирисов, редкие пучки травы, мелькают расплывчатые образы болотных паров и туманов... Приезжают инженеры с механизмами и трубами, избавляют от излишней влаги и сырости... На полях обильный урожай, пасется тучный скот, а довольные подданные заселяют новую землю.

Элеонора опускает руки на плечи Козимо и внимательно разглядывает карты на стене, пока муж приближается к пику наслаждения. Вот Древняя Греция, вот Византия, обширная Римская империя, созвездия, неизведанные моря, острова — настоящие и вымышленные, окутанные грозowymi облаками вершины гор.

Разве могла она предвидеть, что совершает непоправимую ошибку, что следовало закрыть глаза и думать о супружеском долге, о сильном и красивом муже, который по-прежнему желает ее спустя столько лет? Откуда ей было знать, что рожденный после их соития ребенок

¹ Плодороднейшая (ит.).

² Зал географических карт (ит.).